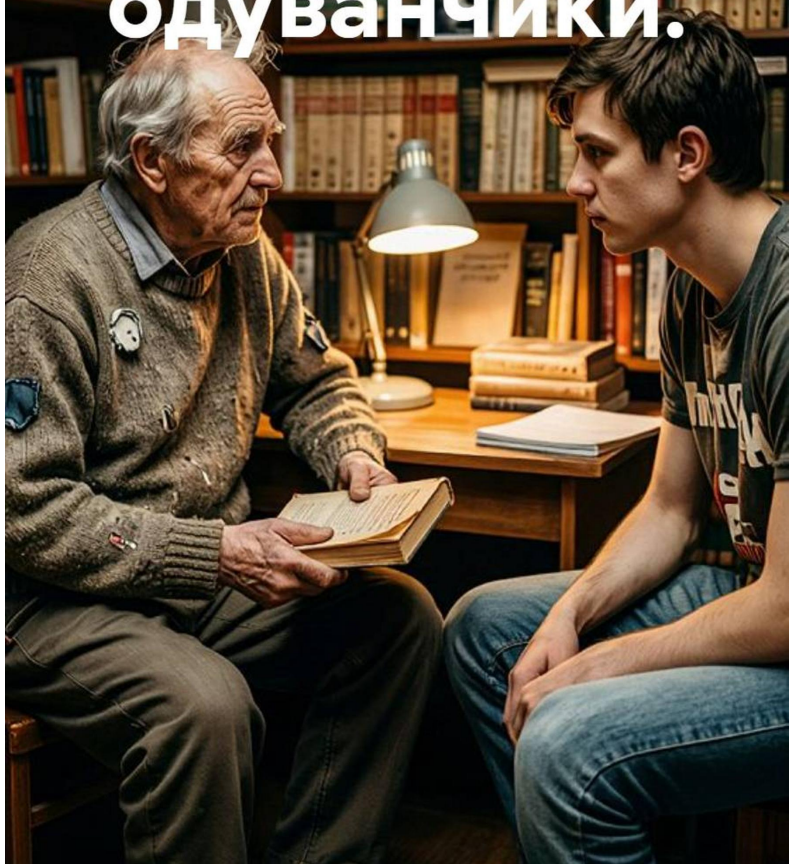

Виталий Шелестов

Майские одуванчики.

Виталий Шелестов

Майские одуванчики.

<https://litres.ru/74690637>

SelfPub; 2026

Аннотация

О взаимоотношениях поколений, нравственных и гражданских принципах, которыми руководствуются при этом персонажи.

Виталий Шелестов

Майские одуванчики.

Всякий раз, проходя мимо пятиэтажного дома по улице Белинского, Егор неизменно поворачивал голову в сторону одного из подъездов, откуда, как ему всё время казалось, вот-вот должен выскочить забавный симпатяга-фокстерьер и поприветствовать жизнерадостным лаем новый день, чудесную погоду и, разумеется, четвероногих сородичей, ежели таковые окажутся в данный момент поблизости. Хотелось тогда надеяться, что и он, Егор, не обойдён вниманием, и что весёлые звуки тамошней дворовой возни в какой-то мере причастны и к его появлению здесь. Ведь пёсик, как можно было догадаться, представлял интерес не только и не столько сам по себе; вслед за ним из подъезда неслышно и грациозно, словно на балетную сцену, семенила девушка с золотистыми, как у андерсеновских героинь, волосами, и глядя на неё, можно было заразиться восторгом её питомца, послать к чертям дела насущные и творить всякие глупости во имя иллюзорно-беспечной красоты. Егор не делал этого не потому, что был староват для таких забав и что дома оставались жена с пятилетней дочуркой (любой моралист непременно потирал бы руки при данном факте), а из чувства простого

обывательского благоразумия: представить себе, как убого выглядел бы, разыгрывая из себя ловеласа и тривиально заигрывая с этим дивным созданием, которое наверняка издевательски забавлялось бы от души при этом, не требовало большой фантазии. Ему просто доставляло обыкновенную тихую радость наблюдать за милой и забавной сценкой, иногда представляемой взору: весело фыркающий гладкошерстный любимец носится за всем, что движется в радиусе двора, разминая свои лапки и подрагивая хвостиком-дулькой, и неподалёку его юная хозяйка, лучисто улыбаясь при этом и как будто тоже радостно приветствуя всё вокруг.

Сегодня дворик пятиэтажки вообще пустовал. Оно и понятно: праздник совпал по календарю с пятницей, и потому большинство жильцов, и, вероятно, златовласая красуля со своим четвероногим дружкой выехали всей семьёй на трёхдневный уик-энд куда-нибудь за город: на собственную дачу или же в гости к друзьям-родственникам. Егор и сам бы со своими рванул в сторону тётчиного дачного хозкооператива в полустах километрах отсюда, только совсем не кстати схватила простуду дочь Вика, а поездка туда без неё и жены, но зато с тётшей – ситуация несколько трагикомичная, а порой и абсурдная. К тому же на День Победы Егор традиционно посещал своего деда Арсения Константиновича; тот жил неподалёку, на перекрёстке Белинского и Первомайской, совсем рядом с этой пятиэтажкой, мимо которой лежал путь.

Сколько уже ни упрашивали деда переселиться к ним – ни

в какую. Отговорка была проста и тверда, как монолитный постамент: городская квартира со всеми не только удобствами, но и прочими благами цивилизации, была для него тесна и вызывала чувство брезгливого сострадания к проживающим в ней. По его словам, «бетонированные муравейники», куда все стремятся, отвратят человеческую породу от земли, и тогда сбудутся библейские предсказания – наступит светопреставление. Сей спорный довод оспаривали иногда до полной хрипоты, только убедить деда было так же бесполезно, как и заставить тещу поверить в обратное. Не сказать, чтобы они терпеть друг друга не могли; просто антиполярность взглядов на диалектику природы привела к некоторому отчуждению, хотя через Егора оба не забывают передавать друг дружке самые нижайшие поклоны. Егор понимал деда: тому действительно было бы весьма тоскливо обитать в благоустроенной квартире, без милого сердцу огородика, садовых насаждений и небольшой пасеки, которую Арсений Константинович умудрялся содержать в черте города (об этом факте даже написали пару лет назад в городской многотиражке). Ко всему прочему, хоть и овдовел дед ещё до появления на свет Егора, деревянный полуособнячок его на Первомайской, как и прочие домики частного сектора, растянутые вдоль всей улицы, отнюдь не производил впечатления хиреющей обители одинокого старца. Его прочность и деловитая ухоженность бросались в глаза издалека. И в отличие от подобных ему аналогов, что разрастались за последние деся-

тилетия по окраинам городов в виде коттеджей, гасиенд, а то и готических замков, напичканных ультрасовременными системами безопасности и наблюдения (не считая раскормленных четверо- и двуногих стражей), в доме Арсения Константиновича всегда рады были любым гостям, — от близкой родни до потерявшей хозяина собачонки. Дед резонно полагал, что если кому взбредётся обчистить его, то сделать это можно и «с семьёю запорами»; разве что ценности внутри не претендовали на то, чтобы окунаться из-за них в пучину криминала.

Егор, пожалуй, чаще кого бы то ни было посещал дедову «епархию», и не только потому, что приходился родным внуком, а вследствие общности взглядов и интересов, что, кстати, не часто можно встретить в среде единокровной и особенно у людей разных поколений. Арсению Константиновичу уже давно перевалило за восемьдесят, однако по части здоровья он мог бы дать фору иным мужам в расцвете лет. А его непонятно откуда черпаемый заряд бодрости и неунывающей самоиронии располагал к нему любого, кто хотя бы разок перекинулся с ним словечком. Вот поэтому дом на Первомайской не переставал притягивать к себе различный люд, и в особенности тех, кто нуждался не только в материальной поддержке. Может быть в этом, рассуждал Егор, свернув на перекрёстке в нужную сторону, как раз и заключается весь секрет дедовской харизмы: ощущение, что ты кругом нужен, и этот факт не позволяет расклеиться, мобилизует какие-то

внутренние силы, что ли...

Двое последних суток шли дожди, а сегодня как по заказу — ни одного облачного пятнышка на небе. Пока ещё прохладно и даже зябко, но чувствуется, что вот-вот теплынь накроет собой эти зацветающие садовые деревья, бликующие лужи на асфальте, сырые крыши домов, и всё кругом оживится, воспрянет и заиграет-запоёт, как тот четвероногий знакомец с улицы Белинского... Егор уже давно заметил, что в этот день всегда отличная погода, словно Всевышний, желая наградить за одержанную такими усилиями и жертвами победу над непрощенным злом, милостиво напоминает об этом хотя бы с помощью своей канцелярии, если уж никаким другим способом не представляется возможным...

Ещё на подходе к хорошо знакомой и почти родной калитке Егор услышал не менее хорошо знакомое постукивание. Ежеутренние процедуры деда завершались как правило этими звуками: вооружившись молотком, сапёрной лопаткой и прочими бытовыми инструментами, он обходил свои владения аки некрасовский «Мороз-Воевода дозором». Там подколотить, тут отрезать, где-то подкопать, — одним словом, как и всякий рачительный хозяин, поддерживал всё в должном порядке. Заслышав скрип калитки, обернулся и с широкой усмешкой вытянулся во фрунт, подняв правую руку с молотком в приветствии:

— Всем ранним птахам и поздним донжуанам, включая просто страдалцев от бессонницы — приветственный туш!

Егор понял, что дед уже слегка «заложил под аксельбант» (одно из любимых его выражений), и нисколько этому не удивился. Ведь праздник-то для него отнюдь не символический: Арсений Константинович Клементьев последний год войны служил на Третьем Украинском и за участие в операции под Балатоном был награждён медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны второй степени. Вручали их ему уже в госпитале, где он лежал с ранением бедра и средней контузией, полученными там же, при отражении наступления вермахта, именуемого «весенним пробуждением». Последствия контузии себя не выявляли, а вот осколок миномётного снаряда напоминал о себе всю последующую жизнь: дед слегка волочил при ходьбе правую ногу...

— Гип-гип, ура, принимай каким есть, только в зубы не заглядывай! Можешь разве что для верности съездить по ним, — в тон ему выпалил Егор, подходя вплотную.

Они крепко обнялись. От деда несло терпким самосадом и вишнёвой настойкой собственного выгона – ароматной, ядрёной; ежели в качестве профилактики от простуды – всех бактерий наповал...

— Поскучай, Жоржик, ещё минут «надцать», ага?... – Егор, сколько помнил себя, всегда был для него «Жоржиком», и даже теперь, взрослый тридцатилетний мужик, он так и останется в душе у деда с этим детским прозвищем. Вполне естественно и даже трогательно...

Дед не такой человек, чтобы не доводить что-нибудь до

конца. Пока свой утренний обход не осуществит от корки до корки – за другое не примется. Егор зашёл в дом, расстегнул куртку и достал из-за пазухи припасённую заранее бутылку коньяка, — как говорится, не корысти ради, а в честь великого дня. Любые другие праздники, за исключением разве что новогоднего, почему-то в последние годы стали казаться ему некими заштампованными и слабо отрепетированными рекламными акциями, имеющими цель направить всё в нужное показательно-бытовое русло, что, кстати, не всегда удавалось. Яркое тому доказательство – усиленные наряды в такие дни не только блюстителей порядка, но порой и воинских подразделений. В детские годы, насколько помнил Егор, праздники как-то больше походили на самих себя...

— Досточтимый внук! – грохоча в сенях расставляемым инструментом, возглашал Арсений Константинович. – По последним сведениям, у твоих незабвенных домочадцев сегодня отнюдь не праздничное состояние. В подробности не посвятишь?

Пока дед бренчал рукомойником, Егор в нескольких словах поведал о недомогании Вики и тёщи Полины Сергеевны – следствии ненастья последних дней.

— Только умоляю, деда, не пихай мне в карманы банки с мёдом. У нас его уже столько, что у Вики пчелиные крылья вот-вот появятся! Выдюжат, лето уже на подходе. Вон какая погодка установилась!

— Пожалуй, ты прав. — Дед вытер руки о полотенце, открыл холодильник и выставил на столик свою «вишнёвку», пару стопок и тарелку с нарезанными огурчиками и копченой грудинкой. — Тем более, что на сегодня планы в некоторой степени исключают дамское присутствие. Но об этом попозже. — Он разлил в стопки и поднял свою: — Давай, внучок родной, за этот день...

— За тебя, деда. Я горжусь тобой...

Они снова крепко обнялись, слегка пролив друг на друга из зажатых в руках стопок, затем как по команде, одним резким глотком опорожнили их.

— Не могу вспомнить, — проговорил дед, когда оба захрустели огурцами, — говорил ли я тебе когда-нибудь, какое самое главное воспоминание является в памяти, когда думаю о тех днях.

— Ты вообще мало что рассказывал о войне, — заметил Егор. — Оно и понятно: я бы на твоём месте...

— Я сейчас не о самой войне, — перебил дед. — Тут нечто другое — уже связанное с обычной, мирной и спокойной жизнью... Так вот, хочу тебе открыться: первое, что приходит в голову, когда заговаривают о Дне Победы — не праздничный салют и не знамя над рейхстагом. И даже не ордена и медали. Видишь, какое у твоего деда вывернутое понятие о серьёзных, даже святых вещах!

— Ладно тебе, не самобичевайся, — добродушно поддел Егор. — Все мы знаем, что ты не только герой войны, но и

самый что ни на есть здравомыслящий человек в округе, поборник справедливости и непримиримый...

— Ну-ка, прекрати тут мне трепологию разводить! — поморщился Арсений Константинович. — Наслушался я её уже за последние годы до мозговой рвоты. И вообще, не для того мы здесь собрались. Как я уже говорил, на сегодня запланировано одно мероприятие: старый приятель младых лет ждёт меня, то бишь нас, — он многозначительно покосился на своего внука, — у себя дома. Будем отмечать у него, если ты, конечно, не побрезгуешь обществом двух стариков.

— О чём речь! Эксплуатируйте меня, как вам заблагорассудится!

— Молодцом, Жоржик! Давай ещё по одной, забирай свой «дихлофос» со стола и потопали. Он тут неподалёку обитает, в квартале отсюда.

— Но ты ещё не досказал о своём главном воспоминании, или как там его... — напомнил Егор, разливая стопки.

— Я помню, славный мой оруженосец. Расскажу и покажу, — по ходу, так, кстати, будет куда образнее и красочнее...

— Так вот... — начал Арсений Константинович, когда они уже шли по улице, подставив лица долгожданным солнечным потокам, бьющим с истинно майским напором — приветливо и настойчиво. — Если ты внимательно оглянись по сторонам, уважаемый внучек, то какие цвета тебе больше всего бросаются в глаза?

— Ну... — Егор повёл взглядом вокруг и осторожно пожал плечами. — Зелёный, конечно...

— Та-ак! — одобрительно кивнул дед. — Дальше!

— Красный, само собой, флаги везде вывешены ещё с первого числа... Потом, наверное... Погоди, кажется начинаю понимать, куда ты клонишь. Желтизна так и прёт отовсюду: дуванчики начали цвести.

— Мои аплодисменты, о достойнейший продолжатель кlementьевского рода! Я нисколько не сомневался в твоей наблюдательности и здоровом восприятии окружающего.

— Польщён, как никогда, только не улавливаю пока связи между...

— Связь самая что ни на есть прямая, Жоржик. Трудно в это поверить, но в те майские дни я по-настоящему осознал, что война закончена не после известия о капитуляции, а именно среди такого изобилия, как ты говоришь, желтизны на фоне пышущих зеленью трав. Такое только в мае можно узреть... Да-да, так и стоит перед глазами: госпиталь под Дебреценом, выковыливаю кое-как из палаты на свежий воздух, погодка в точности такая же, и — вот эта жёлто-изумрудная палитра кругом! Хоть ныряй в эту луговую перину. Именно тогда, как принято говорить, и снизошла на меня благодать — я окончательно, можно сказать, проникся сознанием того, что войне кранты, костлявая уже не подстерегает за каждым поворотом, и жисть своё взяла. В такие моменты как раз и ощущаешь, насколько это замечательно — *жить*...

Вот с тех пор и сохранилась во мне такая ассоциация с этими майскими одуванчиками: как увижу эти жёлтенькие россыпи – сразу о Победе начинаю думать...

Егор во время этого монолога внимательно разглядывал своего деда: рослый, поджарый, ещё не согбенный под тяжестью прожитых лет и выпавших испытаний, он несколько не походил на большинство людей своего поколения – тех, кто ещё продолжал цепляться за в основном убогое и жалкое существование, на которое их обрекла нынешняя действительность. Когда-то от кого-то услышав, что о любом обществе можно судить по его пожилым людям, Егор с горьким ощущением смотрел на ворошащих мусорные контейнеры стариков и трясущихся с подаванием у людных мест старушек, до которых никому вокруг нет дела. Можно было, конечно, отмахнуться и убедить себя, что, дескать, и сами могли быть в том виноваты, только помогала ли такая отговорка в первую очередь самому себе, и не появлялись ли за ней следующие, – здесь уже проступали такие дебри, что действительно впору было махнуть на всё и продолжать колупать вокруг себя, не задумываясь о будущем и прошлом. Арсений же Константинович заставлял по-иному смотреть на такие вещи, раз за разом опровергая установленные негласные стереотипы в отношении пожилого сословия. Егору доводилось наблюдать ещё с детских лет, как деду удавалось не только силой своей харизмы воздействовать на гораздо более молодых, но и приструнивать кое-кого с помощью ку-

лачной перспективы. Последнее, как часто водится, служило убедительным фактором для групп лиц, плохо поддающимся воздействию интеллекта: окутанных алкогольными парами подростков и растатуированных блатарей, время от времени ставивших себя в один ряд с хозяевами жизни. А таковые за последние годы попадались всё чаще... И ещё Егор нередко задавался вопросом, как же за столько лет вдовства Арсению Константиновичу, такому видному и незаурядному мужчине, так и не довелось жениться вторично, хотя, насколько всем было известно, возможности для этого имелись. И тот факт, что он остался верен своей безвременно ушедшей супруге Вере Леонидовне, бабушке Егора, пожалуй, ещё больше поднимал его в глазах окружающих. Видимо, это было ещё одной причиной, по которой не закрывались на замки двери в доме номер три по Первомайской...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.